

М. Л. Котин

ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ)

Тезис о взаимовлиянии грамматических категорий тривиален, но сущность, конкретные проявления и механизмы категориально-грамматической интеграции, в том числе в типологическом и историческом плане, до сих пор мало изучены. При этом именно феномен категориальной конвергенции в целом ряде случаев, в особенности в контрастно-типологических и историко-лингвистических исследованиях, позволяет предложить достоверное объяснение определенных эмпирически полученных фактов функционирования и развития языковых систем. В предлагаемой статье обсуждаются некоторые вопросы взаимосвязи категории модальности в глагольной парадигме с категориями временной отнесенности, глагольного вида и залога в синхронии, диахронии и с типологической точки зрения.

Ключевые слова: *грамматическая категория, межкатегориальные связи, категориально-грамматическая конвергенция, языковые изменения, грамматикализация, модальность.*

1. Вводные замечания

Взаимосвязь и взаимовлияние различных грамматических категорий в рамках глагольной или именной парадигмы едва ли могут вызвать сомнения в силу своей очевидности даже на уровне простой языковой интуиции. Вероятность того, что может существовать естественный язык, в котором, например, время, вид, наклонение и залог глагола или род и склонение имени имели бы некую автономную, герметичную сферу функционирования, ничтожно мала. Многочисленные и многообразные пересечения различных категориальных функций одной части речи являются одним из ее главных системообразующих свойств, на что лингвисты обращали внимание уже сравнительно давно, ср. в числе прочих монографию Э. Кошмидера по общему синтаксису (Koschmieder 1965), многие гипотезы и положения которой развиваются в рамках иных направлений лингвистической мысли, в частности в монографии В. Абрахама (Abraham 2005), в статье С. Шаумяна (Shaumyan 1984) и в ряде других работ. Более того, вся совокупность форм, образующих целостную парадигму части речи, также не является замкнутым инвентарем, поскольку взаимодействует с формами иных частей речи. Выявление основных видов категориальной конвергенции возможно на уровне предложения, а некоторых из них – лишь на уровне текста, хотя в последнем случае следует быть чрезвычайно осторожным, чтобы не относить к „компетенции” текста (языкового макроуровня) то, что, хотя и приложив большие усилия, можно выявить на микроуровне предложения¹.

¹ Данное замечание имеет лишь косвенное отношение к теме настоящей статьи, однако оно представляется необходимым, поскольку в современных исследованиях прослеживается явная тенденция относить на счет синтагматических макроформ то, что может быть исчерпывающе исследовано на уровне микроформы. Причиной такого подхода зачастую является желание облегчить анализ ссылкой на некую прагматическую сверхзадачу эмитента текста, якобы отменяющую для лингвиста необходимость выявления системных закономерностей на микроуровне; следствием же этого подхода почти всегда является недостоверная или, по крайней мере, неполная интерпретация конкретного факта речи, ср. [Dascal/Margalit 1974, 195ff].

Упомянутые взаимосвязи грамматических категорий и множественные пересечения их исконных функций часто декларируются в литературе по грамматике различных языков, но не столь же часто реально выявляются и описываются. Однако их детальное исследование необходимо для решения множества частных и ряда общих, методологических задач, стоящих перед языковедением. В данной статье мы остановимся на двух из них: (а) синхронно-типологической и (б) генеалогической и диахронно-типологической.

В первом случае речь пойдет о том, что функциональная нагруженность определенных грамматических категорий одной языковой системы отличается, и подчас весьма существенно, от функциональной нагруженности той же категории другой системы вследствие того, что каждая категория, кроме явных функций, содержит обширный „скрытый” функциональный потенциал, который реализуется настолько, насколько это позволяет и этого требует целостная архитектура парадигмы (Abraham 2011, Abraham/Leiss 2008; 2012; Leiss 1992; 2000; 2002; 2011, Kotin 2005–2007). Так, языки, содержащие в своей глагольной системе категорию вида, имеют принципиально иную подсистему времен, залогов и наклонений по сравнению с языками, где глагольный вид отсутствует, а остальные категории сконструированы и по своему составу и по функциональной нагруженности так, что видовая семантика в скрытой форме содержится в данных категориях (ср. в числе многих публикаций, посвященных данной проблематике (Leiss 1992; 2000; 2002; Abraham 2009, Abraham/Leiss 2008; 2009; 2012, Kotin 2/2007; 2008)). Данный постулат выходит за рамки глагольной парадигмы. Так, языки, содержащие категорию определенности/неопределенности имени, также могут посредством артиклевой функции в известных, достаточно широких, пределах кодифицировать видовую или связанную с ней „видообразную” функцию (Leiss 2000; 2002). Помимо этого эмпирически доказана взаимосвязь видовой функции с топологией предложения (Abraham 2011; Leiss 2011). Впрочем, в данной статье мы ограничимся исследованием вопросов межкатегориальных связей внутри глагольной системы.

Во втором случае предметом рассмотрения будут языковые изменения, в частности грамматикализация с точки зрения категориальной конвергенции. Будет показано, что постепенное исчезновение одних категорий и появление других всегда сопровождаются соответствующим перераспределением функциональной нагрузки на каждую из категорий. Так, исчезновение морфологически кодифицированной оппозиции совершенного и несовершенного вида в германских языках привело к тектоническим сдвигам во всей системе глагольных (а отчасти и именных) форм, в результате чего возникла разветвленная система модальных глаголов, наречий и частиц, во многом компенсирующих утраченную с разрушением вида аспектуальную функцию.

Таким образом, в статье будут рассмотрены некоторые характерные примеры категориально-грамматической конвергенции и показаны механизмы ее действия в синхронии и диахронии. Раздел 2 посвящен конвергентным отношениям в референциальных сферах модальности и темпоральности на примере взаимосвязи категорий наклонения и времени. В разделе 3 рассматриваются межкатегориальные связи модальности и глагольного вида (и шире – аспектуальности) на примере скрытой аспектуальности модальных глаголов в деонтическом и эпистемическом прочтении. Темой раздела 4 являются проблемы пассивной трансформации активных конструкций с воликативными и неволикативными модальными глаголами. В 5 разделе

подводятся общие итоги представленного анализа и намечаются пути дальнейших исследований в сфере межкатегориальных связей.

2. Модальность и темпоральность

Конвергентные отношения времени и наклонения глагола и шире темпоральных и модальных маркеров многообразны, и их описание не может ограничиться рамками одной статьи, тем более одного ее раздела. Представляется возможным продемонстрировать некоторые взаимосвязи в синхроническом и диахроническом плане на отдельных примерах, позволяющих сделать некоторые обобщения.

На уровне морфологических форм времени и наклонения можно вычленить, в частности, некоторые функциональные сферы, где обнаруживается не просто взаимосвязь, но в известной степени референциальная идентичность обеих групп категориальных маркеров (Kotin 2010).

Частным случаем категориальной конвергенции времени и наклонения глагола являются сложноподчиненные предложения с придаточными, выражающими нереальное или нереализованное условие. Главное предложение в подобных составных синтагмах кодифицирует соответственно нереализованное событие, которое имело бы место в случае исполнения данного условия, напр.:

- (1) Если *бы* у меня было время, я пришел *бы* к тебе.
- (2) Gdybym miał czas, przyszedłbym do ciebie.
- (3) Wenn ich Zeit hätte, würde ich dich besuchen.
- (4) If I had time, I would visit you.

Оговорим сразу, что приведенное предложение в данном случае предполагает прочтение в будущем времени. В немецком (3) и английском (4) языках данная оговорка избыточна, поскольку для прошедшего времени там используется другая форма, а в русском (1) и польском (2) необходима, так как форма сослагательного наклонения здесь не имеет конкретной временной отнесенности и выявляется исключительно на основе контекста. Помимо этого в данной статье не будут отдельно рассматриваться формы кодификации наклонения в их сопоставлении. Мы сосредоточим внимание на двух вопросах: (а) о присутствии или отсутствии каких бы то ни было специальных индикаторов косвенной („сослагательной”) модальности и (б) о взаимодействии модальной и темпоральной семантики глагольных форм.

В русском и польском языках в обеих частях целостной синтагмы используется морфологическая форма сослагательного наклонения – частица *бы/by*. Придаточное нереального условия вводится союзом *если/gdy*, который универсален для любых условных конструкций, а следовательно, не может считаться маркером *нереального* условия. То же можно сказать в отношении союза *if* в английском примере и, с известными оговорками, в отношении немецкого *wenn*². В немецком примере также используется форма конъюнктива (сослагательного наклонения) в обеих частях синтагмы. В отличие от русского, польского и немецкого языков, английское так называемое *if*-clause не содержит морфемы косвенной модальности. Субъюнктив выступает лишь в главном предложении. Вместе с тем невозможно смешение „реального” и „нереального” прочтения выражаемого в придаточном условии, что объясняется тем, что в первом случае употребляется форма настоящего времени (present) *have* (If I have

² Поскольку подчинительный союз *wenn* может, кроме условного (*если*), иметь темпоральное значение (*когда*).

time, i will/shall visit you), а во втором – форма прошедшего времени (past) *had*. Таким образом, очевидна онтологическая связь формы прошедшего времени с функцией сослагательного наклонения, проявляющаяся в том числе и тогда, когда специальный маркер сослагательного наклонения в глаголе отсутствует, и глагол, таким образом, формально употреблен в форме изъявительного наклонения. В русском, польском и немецком языках, где сослагательное наклонение индицировано в обеих частях синтагмы посредством специальных глагольных маркеров, повсеместно используются при этом также глагольные основы прошедшего времени, что является очевидным аргументом в пользу тезиса об исконной взаимосвязи прошедшего времени и сослагательного наклонения. Следует заметить, что в древнегерманских языках конъюнктив настоящего времени употреблялся зачастую синонимично конъюнктиву претерита (ср. Ермолаева 1977, 230 и сл.; Schrodtt 1983; 2004, 130; Schrodtt/Donhauser 2002), однако впоследствии претерит конъюнктива полностью вытеснил презенс конъюнктива из сферы кодификации нереального условия, что является уже „диахроническим” доказательством постулата о связи нереальной модальности (ирреалиса) и семантики прошедшего времени.

Новоанглийский язык не является исключением с точки зрения особенностей кодификации нереального условия без использования в придаточном маркера сослагательного наклонения. Данное явление относится также к гораздо более древним периодам развития индоевропейских языков. В работах, посвященных реконструкции праиндоевропейской глагольной системы, отмечается, в частности, что ирреально-условная функция могла выражаться посредством форм изъявительного наклонения („Indikativ im modalen Gebrauch” (Erhart 1989, 75f.), ср. также (Tichy 2006, 2; 50ff., Krasuchin 2011, 213ff.)).

При сопоставлении целого ряда примеров из древнегреческого текста Нового завета с их переводом на готский язык можно видеть, что придаточное, выражающее нереальное условие с „непрошедшей” временной референтностью в греческом тексте зачастую не содержит, в отличие от готского, маркера косвенной модальности, но при этом всегда употребляется в одной из форм прошедшего времени (имперфекте или аористе) индикатива, напр.:

- (5) Ин. 18, 30:
 εἰ μὴ ἦν οὐτός καθὼν ποιῶν, οὐκ ἂν σοι παρεδώκαμεν αὐτόν.
 „если бы Он не был злодеем, мы не предали бы Его тебе.”

ἦν ‘был’ стоит здесь в форме имперфекта индикатива актива (с отрицательной частицей *μὴ*), а *παρεδώκαμεν* ‘предали’ – также в форме индикатива, но не имперфекта, а аориста. Однако в главном предложении все же содержится маркер условного наклонения – частица *ἂν*, выражающая предположение, желание, возможность или неуверенность. Придаточное же целиком читается как нереальное прежде всего благодаря форме имперфекта глагола со значением ‘быть’, кодифицирующей не прошедшее время, но нереальное условие.

Готская версия данного стиха содержит маркеры сослагательного наклонения (претерита ирреалиса) в обеих частях условно-нереального периода:

- (5a) *nih wesi sa ubiltojis, ni þau weis atgebeima þus ina.*

В следующем примере греческая версия снова содержит форму индикатива аориста *ἔβασιλεύσατε* ‘вы царствовали’ в придаточном нереального условия, которая, впрочем, „поддерживается” дополнительно междометием *ὄφελόν* и частицей *γε*, сочетание которых

выражает желание говорящего. Глагол главного предложения *συμβασιλεύσωμεν* ‘мы царствовали бы’ стоит здесь в форме опатива аориста, что отвечает нейтральному типу кодификации нереального следствия. Готское соответствие данного стиха содержит формы опатива в обеих частях гипотаксиса, однако в придаточном нереального условия глагол употреблен в форме прошедшего времени *þiudanodedeiþ* ‘вы царствовали бы’, а в главном предложении – в форме настоящего *miþ-þiu-da-noma* (дословно ‘мы со-царствуем-бы’).

(6) 1. Кор. 4, 8

καὶ ὄφελόν γε ἐβασίλευσατε, ἵνα καὶ ἡμεῖς ὑμῖν συμβασιλεύσωμεν.

(6a) *jah wainei þiudanodedeiþ, ei jah weis izwis miþ-þiu-da-noma.*

„о если бы вы царствовали так, чтобы и нам с вами вместе царствовать”

(буквально „...что и мы вам со-царствуем-бы”).

Таким образом, в разных языках выражение нереального условия в придаточном условно-нереального периода может различаться по признаку способа кодификации. Маркер „нереальности” не обязательно должен присутствовать, но отнесение кодифицируемого нереального условия к категориальной сфере прошедшего времени присутствует и в том случае, когда речь идет о настоящем или будущем, что дает основания постулировать онтологическую взаимосвязь претеритальной и ирреальной семантики. Дополнительным подтверждением данного тезиса является вытеснение презентных форм сослагательного наклонения из категориальной сферы ирреалиса в процессе развития языка.

3. Модальность и вид глагола (аспектуальность)

В. Абрахам и Э. Лайсс (Abraham 2009, 251ff., Leiss 1992; 2002 (2), Abraham/Leiss 2008; 2012) на обширном материале, исследованном с синхронической, диахронической и типологической точек зрения, показали, что существует взаимозависимость аспектуальности и модальности, которая проявляется, в частности, в наличии скрытограмматических модальных сигналов аспектуальных форм и, наоборот, скрытой аспектуальности модальных маркеров. В частности, в языках, не обладающих категорией вида, деонтическая („корневая”) модальность (*deontic* resp. *root modality*)³, в том числе в силу преимущественно футуральной (проспективной) темпоральности презентных форм, зачастую кодифицирует значение завершенности глагольного действия (процесса) в будущем, тогда как эпистемическая⁴ (согласно терминологии Г. Дивальд (Diewald 1999) *deiktische* „дейктическая”) модальность, как правило, имплицитно завершает незавершенность, длительность или повторяемость действия или процесса в настоящем, ср.:

(7) Peter muss Goethes „Faust” lesen.

„Пётр должен прочитать „Фауста” Гёте.”

vs.

(8) Peter muss gerade Goethes „Faust” lesen.

³ Понятие деонтической („объективной”) модальности, используемое для обозначения модального признака подлежащего, используется в современной теории грамматики настолько широко, что не требует дополнительных пояснений или ссылок на источники. Относительно новым является однако синонимичный ему, но относящийся также и к волитивной функции глаголов типа *хотеть*, *желать*, термин *root modality*, ср. [Kratzer 1991, 639ff.]

⁴ Эпистемическая, или „субъективная”, модальность выражает модальный признак, относящийся к говорящему, оценивающему степень вероятности пропозиции – относительно термина ср. в числе прочих [Hundt 2003, Abraham/Leiss 2009, Аверина 2010].

„Пётр, должно быть, читает сейчас „Фауста” Гёте.”

Данная особенность, естественно, не универсальна и не является неким обязательным системным правилом или законом, но тенденция к аспектуально обусловленному прочтению подобного рода фраз как деонтических или, соответственно, эпистемических несомненна. Э. Лайсс (Leiss 2002 (2)) делает на этом основании вывод о том, что после распада категории глагольного вида в германских языках исконная видовой функция глагола не исчезает, а наследуется рядом как глагольных, так и именных категорий, в частности, переходит к модальным глаголам, которые употребляются гораздо чаще и обнаруживают гораздо более разветвленную систему форм, чем, например, в славянских языках, развивающих стабильную видовую парадигму. Автор настоящей работы провел исследование, основанное на сопоставлении корпуса Псалтири в церковнославянском, русском (Синодальный перевод), польском и немецком языках (Kotin 2008), которое полностью подтвердило тезис Лайсса. Немецкий текст Псалтири содержит свыше 500 модальных глаголов, тогда как польский – менее 70, а русский лишь немногим более 30, включая модальные наречия и предикативы, которые, впрочем, в Псалтири практически отсутствуют в силу особенностей жанра. Церковнославянская Псалтирь вообще обходится без модальных глаголов. Оттенки деонтических значений, выражаемые в немецком тексте модальными глаголами⁵, как показал анализ материала, в славянских текстах передаются посредством соответствующих форм глагольного вида, ср. псалом 33 (в латинской нумерации 34), стих 12 (в латинской нумерации 11):

- (9) цсл. Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню *научу* вас.
- (10) рус. Придите, дети, послушайте меня: страху Господню *научу* вас.
- (11) польск. Pójdźcie, synowie, słuchajcie mnie, *nauczę* was bojaźni Pańskiej.
- (12) нем. Kommt her, ihr Kinder, höret mir zu! Ich *will* euch die Furcht des HERRN *lehren*.

Поскольку глагол *lehren* может означать как ‘учить’, так и ‘научить’, завершенность в будущем передается в немецком языке посредством модального глагола *wollen* в собственном („корневом”) значении волитивности, включающем, согласно гипотезе Абрахама – Лайсса, перфективность в темпоральной перспективе будущего времени. При этом волитивная семантика в данном и подобных случаях ослаблена в пользу аспектуально-темпоральной. В церковнославянском, русском и польском языках перфективность в будущем выражается непосредственно формами совершенного вида базового глагола.

В следующих примерах (псалом 31/32, стих 8) немецкая версия содержит два модальных глагола – *sollen* и *wollen* (последний употреблен дважды), кодифицирующих, наряду со значениями необходимости и, соответственно, желания, завершенность действия в будущем, тогда как в церковнославянской и польской версиях употребляются лишь базовые глаголы в форме совершенного вида, а в русской – дважды в форме совершенного вида, один раз в безличной конструкции с дательным, которая всегда выражает модальность необходимости (Kotin 2012), и один раз в сложном будущем времени, которое образуется только с глаголом в форме несовершенного вида:

- (13) цсл. *Вразумлю* тя и *наставлю* тя на путь сей, в онъже *пойдеши*, *утвержу* на тя

⁵ Эпистемическое прочтение модальных глаголов в Псалтири встречается крайне редко, и им можно пренебречь. Это объясняется жанровой спецификой текста, в котором практически невозможно выразить сомнения в правдивости утверждений, а дополнительное выражение уверенности говорящего нейтрализуется общим посылом непререкаемой и изначальной истинности текста в целом.

очи Мои.

(14) рус. Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти, буду руководить тебя, око Мое – над тобою.

(15) польск. *Pouczę cię i wskażę drogę, którą pójdziesz, umocnię moje spojrzenie na tobie.*

(16) нем. *Ich will dich unterweisen und dir den Weg zeigen, den du gehen sollst; ich will dich mit meinen Augen leiten.*

Итак, модальные глаголы в деонтическом (или волитивном) и эпистемическом (или эвиденциальном⁶) прочтении в определенной степени восполняют отсутствие глагольного вида, выражая наряду с модальной семантикой видовые признаки глагольного действия/состояния.

4. Модальность и залог

Рассмотрим следующие примеры:

(17) Полиция преследует угонщика.

(18) Угонщик преследуется полицией.

(19) Полиция может/должна преследовать угонщика.

(20) Угонщик может/должен преследоваться полицией.

Во всех случаях мы имеем дело с обычной, канонической пассивной трансформацией активного предложения, при которой семантика активного и пассивного предложений целиком совпадает. Модальный глагол *мочь* и модальный предикатив *долженствовать* никак не влияют на смысл активной и соответствующей ей пассивной фразы, модифицируя каждую из них исключительно в собственно модальном плане при сохранении канонической процедуры редукции облигаторной валентности базового глагола, ср.:

(18а) Угонщик преследуется.

(18б) Угонщик может/должен преследоваться.

В других языках, обладающих категорией залога и модальными глаголами (или иными модальными маркерами, способными выступать в предикативной функции), в случае употребления таких деонтических индикаторов со значением возможности, необходимости, неизбежности и т. п., пассивная пропозиция по своей семантике ничем не отличается от активной, ср. следующие примеры в немецком языке:

(21) Die Polizei verfolgt den Autodieb.

(22) Der Autodieb wird von der Polizei verfolgt.

(23) Die Polizei kann/muss/darf/soll den Autodieb verfolgen.

(24) Der Autodieb kann/muss/darf/soll (von der Polizei) verfolgt werden⁷.

Принципиально иная картина возникает в случае употребления сказуемого с волитивной

⁶ Эвиденциальная семантика в немецком языке является особым подвидом эпистемической семантики, при котором предположение говорящего включает дополнительное значение ссылки на (как правило, не называемый) внешний источник информации: *Peter muss/kann krank sein* vs. *Peter soll/dürfte krank sein*; *Peter ist wahrscheinlich/vielleicht/wohl krank* vs. *Peter ist angeblich/mutmaßlich/vermeintlich krank*. Как известно, существуют языки, где эвиденциальность является самостоятельной, независимой от эпистемичности и вообще от модальности в ее классическом понимании грамматической категорией [ср. Plungian 2001, Aikhenvald 2004]. Индоевропейские языки данной категории не имеют, но эвиденциальные значения, как правило, включенные в эпистемические или связанные с ними, имеются, в частности, у модальных глаголов и модальных наречий и частиц [ср. Kotin 2011, Kotin/Schönheg 2012]. Отметим, впрочем, что некоторые исследователи постулируют наличие автономных эвиденциальных маркеров, например, в немецком языке [ср. Diewald/Smirnova 2011, 1ff.].

модальностью. Формально пассивная трансформация возможна, конечно, и в таком случае, однако при этом семантика пассивной конструкции в силу особенностей волиитивного компонента составного сказуемого, который неизменно реализует свою собственную субъектную („левую“) валентность, не зависящую от валентности базового глагола, никогда не будет эквивалентна семантике формально соответствующей ей конструкции активной:

- (25) Полиция хочет/желает/ преследовать угонщика.
- (26) Угонщик хочет/желает/ преследоваться полицией.
- (27) Die Polizei will/möchte den Autodieb verfolgen.
- (28) Der Autodieb will/möchte (von der Polizei) verfolgt werden⁸.

Данное кардинальное различие волиитивной и неволиитивной модальности связано, как показал ряд исследований, со спецификой аргументной структуры волиитивных сигналов, всегда имеющих прямую связь с подлежащим, которая не опосредуется валентностью базового глагола, как это имеет место в случае с неволиитивными модальными индикаторами, валентные свойства которых согласуются с валентностью базового глагола, в силу чего составное глагольное сказуемое с точки зрения диатезы является единым целым (Fujinawa 2008, 101ff.). Тот факт, что волиитивные маркеры исключают семантическую целостность глагольного сказуемого (которое, строго говоря, вообще не может считаться единой конструкцией, а должно рассматриваться как сочетание двух самостоятельных в отношении валентности глаголов), выявляется только при пассивной трансформации.

Рассмотрим теперь случаи употребления предиката в форме сослагательного наклонения, которое само по себе чаще всего выражает, как известно, косвенную „нефактическую“ модальность (ирреалис), причем данной функции зачастую сопутствуют коннотации желательности или возможности, которые, в отличие от семантики модальных глаголов, всегда вторичны по отношению к собственно ирреальной семантике пропозиции в целом:

- (29) Полиция *преследовала бы* угонщика.
- (30) польск. Policja *ścigałaby* złodzieja samochodowego.
- (31) нем. Die Polizei *würde* den Autodieb *verfolgen*.
- (32) англ. The police *would chase* the car thief.

Очевидно, что маркеры сослагательного наклонения выражают тот факт, что полиция не преследует угонщика, и одновременно указывают на то, что преследование угонщика желательно или же при каких-то неназванных условиях возможно. Зададимся вопросом, можно ли а priori считать данное предложение, сказуемое которого стоит в активе, трансформируемым в пассивный залог. Ответ на этот вопрос сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Равнозначный по семантике пассив приемлем здесь лишь при условии прочтения целой фразы с коннотацией „возможности“, напр.:

- (33) *Тогда/в этом случае/при этих условиях* полиция *преследовала бы* угонщика.

⁷ Это касается и других языков номинативно-аккузативного типа, ср. англ. The police is chasing a car thief = The car thief is being chased by the police; The police can/must/may chase a car thief = The car thief can/must/may be chased by the police; польск. Policja ściga złodzieja samochodowego = Złodziej samochodowy jest ścigany przez policję; Policja może/musi/powinna ścigać złodzieja samochodowego = Złodziej samochodowy może/musi/powinien być ścigany przez policję.

⁸ То же правило действует, естественно, и в других языках номинативно-аккузативного типа, ср. англ. The police wants to chase a car thief ≠ The car thief wants to be chased by the police; польск. Policja chce ścigać złodzieja samochodowego ≠ Złodziej samochodowy chce być ścigany przez policję.

(34) *Тогда/в этом случае/при этих условиях угонщик преследовался бы полицией.*

Прочтение той же фразы в волитивном „коннотативном ключе” делает адекватную по содержанию пассивную трансформацию невозможной, напр.:

(35) *Полиция с радостью преследовала бы угонщика,*
что, понятно, совсем не то же самое, что

(36) *Угонщик с радостью преследовался бы полицией*⁹.

Таким образом, имеется прямая взаимосвязь диатезы с неволитивной или волитивной модальностью, которая проявляется не только в случае употребления соответствующего модального глагола, но и при волитивном или неволитивном прочтении предложения с предикатом, стоящим в морфологической (морфолого-синтаксической) форме сослагательного наклонения.

5. Выводы и перспективы

Показанные в статье частные случаи категориальной конвергенции модальности с темпоральностью, аспектуальностью и диатезой являются проявлениями универсальных свойств грамматических категорий, обусловленных принципиальной „проницаемостью”, а следовательно, условностью границ, очерчиваемых той или иной категорией части речи по самому ее определению. Следует поэтому иметь в виду, что наряду с явными, лежащими на поверхности функциями той или иной категории, существуют глубинные, часто скрытые компоненты категориальной семантики, обуславливающие ее взаимосвязь с другими категориями данной части речи. При этом взаимовлияние и взаимодействие категориальных функций имеют синхроническое, диахроническое и типологическое измерение. В синхронии возможно выявление общего категориального пространства, в котором пересекаются те или иные функции. В диахронии возможно ответить на вопрос, почему постепенное исчезновение одних грамматических форм и появление и развитие других не прерывают преемственности грамматической эволюции и кардинально не меняют общей архитектоники парадигм. Особого внимания заслуживают при этом механизмы своеобразной компенсации функции утраченных словоформ посредством частичного наследования их функциональной специфики носителями других категориальных функций. Наконец, в типологии возможно сопоставление функционального объема каждой из категорий, в том числе в языках разных типов, а также обнаружение скрытограмматического потенциала тех или иных категорий, соответствующего, хотя бы отчасти, функциям словоформ других языков, где данные категории представлены в „явном” виде.

В заключение обратим внимание на два существенных момента, непосредственно касающихся проблематики, затронутой в настоящей статье.

Во-первых, приведенные примеры категориальной конвергенции далеко не исчерпывают всего объема взаимосвязей даже в рамках рассмотренных конкретных случаев. Взаимосвязь модальности и темпоральности отнюдь не исчерпывается условно-нереальным периодом, который является лишь частным случаем данного типа конвергентных отношений, пронизывающих всю модальную и темпоральную части глагольной парадигмы. Взаимосвязь модальности и аспектуальности также гораздо шире и многообразнее, чем можно судить по рассмотренному в статье феномену конвергенции завершенности и деонтиче-

⁹ В остальных языках номинативно-аккузативного типа соотношение примеров аналогичное, поэтому ради экономии места соответствия здесь опускаются.

ской семантики модальных глаголов и, соответственно, незавершенности и эпистемической семантики. Взаимосвязь модальности и диатезы, в свою очередь, также не ограничивается волиитивностью или неволиитивностью модальных индикаторов пропозиции. Задачей дальнейших исследований является изучение различных по степени конвергенции, ее глубине и универсальности смежных категориальных функций языковых форм.

Во-вторых, конвергентные отношения присутствуют не только внутри одной и той же части речи, но и за ее пределами. В качестве примера можно привести постулируемую Э. Лайсс (Leiss 2000; 2002 (3)) аспектуальную функцию выражаемой артиклем категории определенности/неопределенности имени, в связи с чем, например, исчезновение глагольного вида в германских языках в известной степени компенсируется развитием приименного артикля. Определенный артикль при этом имеет тенденцию к выражению „целостной”, „внешней” перспективы, особенно в реме (фокусе) высказывания, тогда как нулевой и неопределенный артикль в данной позиции чаще всего кодифицирует „дробную”, „внутреннюю” перспективу. Первая логически соответствует функции завершенности глагольного действия, вторая – его незавершенности, ср.: *Ребенок шел по улице и ел яблоко* vs. *Ребенок съел яблоко и пошел домой*; нем. *Das Kind ging die Straße entlang und aß einen Apfel* vs. *Das Kind aß den Apfel (auf) und ging nach Hause*. Таким образом, родственные категориальные признаки могут реализовываться как в глагольной, так и в именной группе, что существенно расширяет возможности типологического анализа грамматических систем.

Список литературы и источников

1. Аверина 2010 – Аверина А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). Москва, 2010.
2. Бондарко 1995 – Бондарко А. В. Семантика глагольного вида в русском языке. Frankfurt a.M. u.a., 1995.
3. Ермолаева 1977 – Ермолаева Л. С. Типология развития системы наклонений // Историко-типологическая морфология германских языков / Ред. Ярцева В. Н., Гухман М. М. и др. Т. 2. Москва 1977. С. 212–290.
4. Abraham 2005 – Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax des Deutschen. Tübingen: Stauffenburg. 2005.
5. Abraham 2009 – Abraham W. Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modaladverbien, Modalpartikel und Modus. In: Abraham, Werner / Leiss, Elisabeth (Hgg.), S. 251–302.
6. Abraham 2011 – Abraham W. Linke Satzperipherie und versteckte Definitheitskategorie: V1-Deklarative, Wortartunabhängigkeit und Narrativität. (Alt)Deutsch – Altisländisch im Vergleich. In: Kotin, Michail L. / Kotorova, Elisaveta G. (Hgg.), S. 51–70.
7. Abraham 2008 – Abraham W., Leiss E. (eds.) Modality Aspect Interfaces. Implications and typological solutions. Amsterdam, 2008.
8. Abraham 2009 – Abraham W., Leiss E. (Hgg.) Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen, 2009.
9. Abraham 2012 – Abraham W., Leiss E. (eds.) Covert Patterns of Modality. Newcastle upon Tyne, 2012.
10. Aikhenvald 2004 – Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford, 2004.
11. Dascal 1974 – Dascal M., Margalit A. A New 'Revolution' in Linguistics: 'Text Grammars vs. Sentence Grammars' // Theoretical Linguistics. 1974, Vol. 1, № 1/2. P. 195–213.
12. Diewald 1999 – Diewald G. Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999.

13. Diewald 2011 – Diewald G., Smirnova E. (Hgg.) Modalität und Evidentialität / Modality and Evidentiality. Trier: WVT Focus (=Linguistisch-philologische Studien 37), 2011.
14. Diewald 2011 – Diewald G., Smirnova E. Evidentialität als neues Feld der germanistischen Forschung neben der Modalität – Einleitung zu den Beiträgen. In: Diewald, Gabriele / Smirnova, Elena (Hgg.), S. 1–10.
15. Erhart 1989 – Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
16. Fujinawa 2008 – Fujinawa Ya. Valenzalternation bei infinitiver Komplementation und damit vergleichbare Phänomene. In: Mikołajczyk, Beata / Kotin, Michail L.: Terra grammatica. Ideen – Methoden – Modelle. Festschrift für Józef Darski zum 65. Geburtstag. Frankfurt a.M. [u.a.]: Peter Lang Verlag (=Posener Beiträge zur Germanistik 18), 2008. S. 101–116.
17. Hundt 2003 – Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen: Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2003, 31. S. 343–381.
18. Koschmieder 1965 – Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
19. Kotin 2005–2007 – Kotin M. L. Die Sprache in statu movendi. Sprachentwicklung zwischen Kontinuität und Wandel. 2 Bde. Heidelberg, 2005–2007.
20. Kotin 2008 – Kotin M. L. Zu den Affinitäten zwischen Modalität und Aspekt: Eine germanisch-slawische Fallstudie // Die Welt der Slaven. 2008, 53, S. 116–140.
21. Kotin 2010 – Kotin M. L. Zur referenziellen Identität von Tempus- und Modusformen // Kaṭny, Andrzej/Socka, Anna (Hgg.): Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Frankfurt a.M., 2010. S. 29–38.
22. Kotin 2011 – Kotin M. L. Ik gihôrta đat seggen... Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung. In: Diewald, Gabriele / Smirnova, Elena (Hgg.), 2011. S. 35–48.
23. Kotin 2012 – Kotin M. L. Impersonal dative constructions as covert root-modality patterns. In: Abraham, Werner / Leiss, Elisabeth (eds.), 2012. P. 153–174.
24. Kotin 2011 – Kotin M. L., Kotorova E. G. unter Mitarb. v. Durrell M. (Hgg.) Geschichte und Typologie der Sprachsysteme / History and Typology of Language Systems. Heidelberg, 2011.
25. Kotin 2012 – Kotin M. L., Schönherr M. Zum Verhältnis von Epistemizität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht // Zeitschrift für deutsche Philologie. 2012, 131 (3). S. 393–416.
26. Krasuchin 2011 – Krasuchin K. G. Der Konjunktiv aus historischer und typologischer Sicht. In: Kotin, Michail L. / Kotorova, Elizaveta G. (Hgg.), 2011. S. 213–228.
27. Kratzer 1991 – Kratzer A. Modality. In: Stechow, Arnim von/Wunderlich, Dieter (eds.): Semantics. An International Handbook of Contemporary Research. Berlin, 1991. P. 639–650.
28. Leiss 1992 – Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin-New York, 1992.
29. Leiss 2000 – Leiss E. Artikel und Aspekt: Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin-New York, 2000.
30. Leiss 2002 – Leiss E. (1) Die Rolle der Kategorie des Aspekts im Sprachwandel des Deutschen: ein Überblick. (2) Der Verlust der aspektuellen Verbaare und seine Folgen im Bereich der Verbalkategorien des Deutschen. (3) Der Verlust der aspektuellen Verbaare und seine Folgen im Bereich der Nominalkategorien des Deutschen, in: Japanische Gesellschaft für Germanistik (Hg.): Grammatische Kategorien aus sprachhistorischer und typologischer Perspektive. Ak-ten des 29. Linguisten-Seminars (Kyoto, 2001). München: 2002. S. 9–58.
31. Leiss 2011 – Leiss E. Die aspektuelle Funktion von Verberststellung (V1) im Altisländischen und Althochdeutschen. In: Kotin, Michail L. / Kotorova, Elizaveta G. (Hgg.) 2011. S. 71–80.
32. Plungian 2001 – Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics. 2001, 33. P. 349–357.
33. Schrodts 1983 – Schrodts R. System und Norm in der Diachronie des deutschen Konjunktivs. Der Modus in althochdeutschen Inhaltssätzen (Otfrid von Weißenburg – Konrad von Würzburg). Tübingen, 1983.
34. Schrodts 2004 – Schrodts R. Althochdeutsche Grammatik II – Syntax. Tübingen, 2004.

35. Schrodtt 1983 – Schrodtt R., Donhauser K. Tempus, Aktionsart und Modus im Deutschen. In: Besch, Werner et al. (Hg.): Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 3. Aufl., Teilbd. 3. Berlin-New York, 2002. S. 2504–2525.

Котин М. Л., доктор филол. наук, профессор
кафедры грамматики и истории немецкого языка Зеленогурского университета и
кафедры дескриптивной грамматики немецкого языка Познаньского университета
им. А. Мицкевича (Польша).

Uniwersytet Zielonogórski.

Instytut Filologii Germańskiej.

Aleja Wojska Polskiego 71A,

Pl-65-001 Zielona Góra, Polska.

mkotin@poczta.onet.pl, michailkotin1@gmail.com, Kotin_2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.11.2012

Mikhail L. Kotin

THE CATEGORIAL CONVERGENCE IN THE SYN- CHRONIC AND DIACHRONIC PERSPECTIVES: THE CATEGORY OF MODALITY

One of the major systemic features of a part of speech is its numerous and diverse overlaps of different categorial functions. On the other hand, a set of forms, organized into a paradigm of a part of speech, is not a closed inventory as the forms of a particular part of speech interact with the forms of other parts of speech.

Apart from common functions, each category features an extensive «covert» set of functions which can potentially be realized as long as it is allowed and required by the holistic architectonics of the paradigm. The gradual disappearance of some categories and emergence of others is always paralleled with redistribution of functions of each category.

The paper focuses on the interrelation of the grammatical category of mood with the category of tense and, more generally the convergence processes in temporal and modal reference, as well as interrelation of modality and aspect.

The study is accomplished in a diachronic and typological perspective which allows revealing numerous overlaps of the corresponding categorial functions of different members of a verbal paradigm as well as diverse categorial shifts emerging in the process of language evolution.

The «substitutional» function of grammatical forms (e.g. the indirect modal interpretation of the indicative forms, the indirect modal interpretation of aspect constructions, or, on the contrary, the indirect Aktionsart interpretation of the modal forms, etc.) arising from the general principle of the categorial convergence is a crucial factor.

Michail L. Kotin, prof. dr hab.

Uniwersytet Zielonogórski
Instytut Filologii Germańskiej
Aleja Wojska Polskiego 71A,
Pl-65-001 Zielona Góra, Polska
mkotin@poczta.onet.pl
michailkotin1@gmail.com
Kotin_2000@mail.ru